

БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ISBN 978-5-91608-181-7

С. 277-284

https://doi.org/10.31833/conf_ihll2019.054

УДК 811.512.145

Р. Р. Салахова

*Казанский федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Ruzilya5@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ И МЕЖДОМЕТИЙ С ТАТАРСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. ЯРУЛЛИНА)

В статье рассматриваются наименования лиц и междометия татарского языка с точки зрения их перевода на русский язык. Для исследования переводческих особенностей вышеуказанных лексических единиц на русский язык нами были выбраны произведения известного татарского писателя Ф. Яруллина (Перевод Е. Имбовиц). Выбор темы обусловлен тем, что в последние несколько лет лингвистика начала активно изучать особенности передачи эмоций в письменной речи. Исследование работ лингвистов показало, что наиболее выразительными средствами передачи эмоций является название лица, особенно при обращении и междометия.

Ключевые слова: междометные единицы, наименование лиц, эмотивная лексика, художественный перевод, татарский язык, русский язык.

Жизненные реалии современности наглядно демонстрируют необходимость, с одной стороны, знания и уважительного отношения к этнокультуре нации, а с другой – познания культуры других народов. Издревле истории русского и татарского народов имели тесные экономические, политические и культурные связи, что обусловило широкое распространение переводных художественных, научных, публицистических и других видов текстов с одного языка на другой. Данный факт отмечен и в работах ряда исследователей. В частности, языковед И. Ж. Едиханов подчеркивает: “Контакты (двух и более) культур стимулируют развитие переводоведения” [Едиханов, 2009, 3]. Перевод татарской художественной литературы на русский язык способствует обогащению культуры русского народа, знакомству с классической литературой. Но в то же время особенностью переводного художественного текста является то, что она проходит через призму субъективных представлений переводчика о чужой культуре и его интерпретации оригинального произведения, что в немалой степени зависит от жизненного опыта, уровня грамотности переводчика. Именно этим, мы думаем, объясняется актуальность изучения особенностей постижения духовной культуры иного народа через переводные произведения.

Одной из сложнейших задач переводчика является правильный подбор лексической единицы для наиболее полной передачи исходного значения слова переводимого текста. Наиболее сложным и вызывающим споры, на наш взгляд, является перевод эмотивной лексики на примере наименований лиц.

Наименование лиц, в рамках литературных произведений довольно таки часто имеют эмотивный оттенок. То, как человек называет другое лицо, часто показывает его отношение к нему. Так, например, в татарском языке слова *эни*, *энкэй*, *иркэм*, *бэбкэм*, *сандугачым*, *егетлэр* имеют разные смысловые оттенки. Называя маму *энкэй* татарский народ передает все душевное тепло, нежность, которое испытывает по отношению к матери. Называя словом *егетлэр*, например, *мальчишек*, герой показывает, что он возлагает большие надежды на них. Все это обуславливает важность изучения особенностей перевода наименования лиц в оригинальных и переводных произведениях.

Исследование, проводимое на материале произведений и переводов на русский язык Ф. Яруллина, позволило выделить ряд особенностей переводов наименования лиц.

1. Лексическая единица *абзый* в переводах воплощается при помощи способа переводческой транскрипции. При этом сохраняется национальный колорит и уважительное обращение к старшему. Рассмотрим пример:

– *Бэрэкэт, син Гыйлажси абзый икәнсең ич, – диде Зәйтүн, солдатны танып* (“Солдат пәкесе”) [Яруллин, 2004, 65].

– *Да это же Гиляжи-абзый! – узнал его Зайтун* (“Солдатская бритва”) [Яруллин, 1981, 22].

2. Лексические единицы *үскәнем*, *үскәннәрем* довольно часто используется старшим поколением по отношению к младшему. В них прослеживается и оттенок любви, и трепетное отношение к подрастающему поколению. А русский язык не имеет эквивалент данного наименования и, как показывает наше наблюдение на материале переводов произведений Фаниса Яруллина, чаще всего используется метод опущения. Приведем примеры:

– *Мәле, үскәнем, солдат көзгесеннән бер карап ал. Колак артыңдагы миңеңне күрерсең микән* [Яруллин, 2004, 67].

– Ну-ка, посмотри на себя. Увидишь ли родинку, что у тебя за ухом? [Яруллин, 1981, 23].

Некоторые наименования лиц, обращения имеют ярко выраженный эмотивный оттенок. Например:

– *Резинкам шәп чиерттерде, ахры, абыем шундук гырылдаудан туктады, эһ иткәнче сикереп торып минем якага ябышты:*

– *Нишлисең, эт малае? – ди* [Яруллин, 1986, 24].

Перепуганный артист вскочил, спрашивает:

– *Ты почему безобразничаешь?* [Яруллин, 1978, 13]

В данном случае мы видим, что переводчик пытается компенсировать значение выражения “эт малае” при помощи глагола “безобразничаешь” (в татарском же варианте дан нейтральный глагол – нишлисен). Однако мы видим, что выражение гнева в рамках оригинального произведения дан намного ярче, в переводе преобладает оттенок испуга от неожиданного действия.

Чаще всего переводчикам удается найти эквивалентный перевод эмоционально-маркированных наименований лиц. Рассмотрим несколько примеров:

– *Төш рульдән, жәбебегән. Утырсын энә этиең* [Яруллин, 2004, 357].

И в переводе на русский язык:

– *Отдай руль отцу, размазня, – опять скомандовала мать* [Яруллин, 1978, 15]

Интересно проследить особенности употребления обращений между мужем и женой в традиционных татарских семьях. Во второй половине XX века до сих пор остаются распространенными обращения *энисе*, *этисе*, *энкәсе*, *эткәсе*. Посмотрим, насколько эмоционально насыщенными могут быть эти выражения, звучащие из уст любимых мужа и жены, проживших вместе большую часть жизни:

– *Бөтен инструментларны күтәреп әллә авылга китим микән, энкәсе, – диде ул. – Үземнең туып үскән яктарны да бер күрәсе килә* [Яруллин, 2004, 140].

В русском переводе использован эквивалент слова *ана* – *мать*. Прочитаем данное предложение в переводе:

– *А что, мать, если взять да и махнуть в деревню? И места, где вырос, увидеть хочется* [Яруллин, 1981, 8].

По нашему мнению, текст перевода имеет более просторечную семантику. Возможно, можно было бы добиться более точной передачи стилистики, если бы был использован метод опущения и не использован просторечный глагол *махнуть*. Мы считаем, что единство душ, настоятельная необходимость в поддержке своих мыслей, действий другим человеком возможно передать, например, предложением следующего содержания:

– *А может стоит собрать инструменты и поехать в деревню? Давно я не бывал в местах своего детства* [Яруллин, 1981, 8].

Таким образом, переводчик для передачи национальной специфики, смысловой нагрузки наименования лиц, в переводе использует разные методы: переводческую транскрипцию, опущение, подбор эквивалентных слов.

Употребляясь преимущественно в устной речи, междометия часто выражают эмоциональное состояние человека. Как справедливо отмечается в академической грамматике, “в отличие от интеллектуальных слов, то есть слов, имеющих предметно-логическое содержание, междометия целиком принадлежат к эмоциональной сфере языка” [Татарская грамматика, 1993, 363]. Как правило, перевод междометий с татарского языка на русский не представляет особых трудностей для переводчиков, так как большинство татарских междометий имеют эквиваленты в русском языке. При переводе некоторых междометий используется прием нулевой трансформации. Рассмотрим следующий случай:

– *Фу, моннан да глупыйрак сорауларың юкмы?* [Яруллин, 2000, 50].

– *Фу, глупее вопроса не придумала?* [Яруллин, 1981, 238].

В некоторых случаях, разница в тексте оригинала и в переводном тексте состоит лишь в том, что в русском языке мягкая гласная заменяется твердой. Например, татарское *ә* (*ә-ә*) может переводиться как *а* (*а-а*). Приведем пример:

– *Ә-ә Ләйләбез икән, – диде, – аның шундый өянәге бар шул* [Яруллин, 2000, 41].

– *А-а, это наша Лейла! У нее бывают такие приступы* [Яруллин, 1981, 230].

Мы считаем, что в данном случае переводчик выбрал наиболее адекватный вариант перевода, так как, во-первых, оба междометия в семантическом отношении выражают догадку, узнавание, а во-вторых, в переводе сохраняется протяжное звучание междометия в оригинальном тексте. Такое же явление встречается и при переводе императивных междометий. Например:

– *Әй сез, ашкынулы эжаннар, – ди ул, – дөнъя шундый киң, күкләр шундый биек* [Яруллин, 2000, 70].

– *Эй вы, маленькие люди, мир так велик, небеса так высоки* [Яруллин, 2000, 255].

Встречаются и междометия, которые не совсем совпадают по звучанию, однако являются эквивалентными. Следующий случай мы рассматриваем как один из таких:

– *Һы, харап икән, әллә кем булган. Каян килгән педагог!* [Яруллин, 2000, 29].

– *Ха, подумаешь, кто ты такая?! Тоже мне педагог!* [Яруллин, 2000, 220].

– *Һы, кара син аларны! Безгә гарип малайларын төртмәкчеләр...* [Яруллин, 2000, 91].

– *Ха, смотри, какие умные! Хотят сплавить нам инвалида!* [Яруллин, 2000, 273].

Исходя из контекста, становится понятно, что *һы* (в тексте оригинала) и *ха* (в русском тексте) имеют семантику негодования, недоверия к сказанному, злой насмешки.

А в следующем примере междометие *һы* переведено на русский язык при помощи составного междометия *да ну*:

– *Һы, – диде ул, – гомер буе кешенең канын сыгарга өйрәнгән капиталист каян килеп кешелекле булсын* [Яруллин, 2000, 62].

– *Да ну, какая может быть человечность у капиталиста?* [Яруллин, 2000, 248].

В данном контексте преобладает семантика недоверия, отрицания сказанного, поэтому использование междометия *да ну* вместо *ха* мы считаем адекватным приемом.

Тем не менее стоит отметить, что большинство междометий являются многозначными и для точного определения их семантики переводчик должен глубоко проникнуться смыслом произведения и при переводе опираться на контекст. Рассмотрим несколько случаев перевода междометия *и* на русский язык:

И бу дөнъя! Тамугка кертер дип, дәрес әйткәннәр шул [Яруллин, 2000, 50].

Эх, наша жизнь! Правильно говорят: голод и в ад заведет [Яруллин, 2000, 294].

В данном случае переводчик добивается адекватной передачи предложения на русский язык: и татарское *и*, и русское *эх* имеют семантику сетования и негодования.

Рассмотрим другой случай:

И безнең улыбыз шушындый зур булганмыни инде, кара син аны... [Яруллин, 2000, 115].

– *Ух ты, какой у нас сын стал большой!* [Яруллин, 2000, 294].

В данном контексте междометия выражают восхищение, и, несмотря на то, что структуры междометий отличаются – в оригинале имеет место одинарное, а в переводе – составное слово – перевод мы оцениваем как адекватный.

В третьем случае переводчик при переводе междометия *и* использует русское междометие *ах*:

– *И балакай, син үзең дә бала бит әле* [Яруллин, 2000, 103].

– *Ах, детка, ты ведь сама еще ребенок* [Яруллин, 2000, 284].

Интересно рассмотреть особенности перевода междометий, образованных путем конверсии от самостоятельных частей речи или устойчивых сочетаний.

Аннары кисәтеп: “*Кара аны, монда телеңне бик бәйдән ычкындырма*”, – *дип ысылдап китте* [Яруллин, 2000, 196].

Но тут же прошипел: “Смотри, больно-то язык не распускай” [Яруллин, 2000, 364].

Как мы видим, междометия, образованные путем конверсии, чаще всего переведены эквивалентным способом, так как знаменательными частями речи, которые послужили основой для образования междометий, являются слова активного словарного запаса, распространенные в обоих языках. Так, в вышеприведенном случае основой для конверсии становится повелительная форма глагола *смотреть*, который имеет значение “направить взгляд куда-то, чтобы увидеть” [Кузнецов, 2000: 1219]. Образовавшееся же путем конверсии императивное междометие обозначает предупреждение, угрозу.

Однако не всегда возможен подобный эквивалентный перевод. Рассмотрим случай перевода простого междометия *бәрәкәт*, имеющего семантику внезапного сильного удивления:

– *Бәрәкәт, син Гыйлаҗи абзый икәнсең ич, – диде Зәйтүн, солдатны танып* [Яруллин, 2004, 65].

– *Да это же Гиляжи-абзый! – узнал его Зәйтүн* [Яруллин, 1981, 22].

В русском языке переводчик использовал частицу *да*, которая в данном случае употребляется для придания большей выразительности сказанному. Перевод можно считать адекватным, однако можно было бы не заменять одну часть речи другой, а использовать эквивалентные междометия русского языка, предложенные словарями [Татарча-русча сүзлек, 2 т., 2007: 221]. В данном контексте нам представляется целесообразным использование русского междометия *ба-а*.

Учеными отмечается, что «традиционно в составе эмоциональных междометий рассматриваются также слова-обращения к мифическим существам и предкам» [Татарская грамматика, 1993, 373]. Данная группа междометий активно используется Ф. Яруллиным. Как показывают наши наблюдения, они чаще всего используются в сочетании с первичными междометиями типа *уф*, *эх*, *и* и другие.

В нижеследующем примере в роли междометия выступает религиозная формула “Аллага шөкер”, которая имеет семантику глубоко удовлетворения, благодарности создателю.

Например: *Башка балаларны алып киткәндә, күңелдә әсиңеллек тоеп: “Аллага шөкер, тагын бер нарасыебыз үз бәхетен тапты”, – дип сөенеп кала идек* [Яруллин, 2000, 114].

Когда забирали других детей, мы, провожая их, радовались: “Слава Аллаху, еще один наш малыш обрел родное гнездышко” [Яруллин, 2000, 293].

В данном случае переводчик по отношению к компоненту *Аллаһ* использует метод транскрибирования. Таким образом, помимо адекватного перевода максимально сохраняются национальные и религиозные коннотации. Однако в некоторых случаях переводчик предпочитает употреблять слово *Господи*, считая его эквивалентным к слову *Аллаһ*. Приведем такой пример:

– *Ай Аллам, харап икән. Аларны алдыйм, имеш* [Яруллин, 2000, 28].

– *О Господи, подумаешь. Обманываю, видите ли* [Яруллин, 2000, 219].

– *Я Ходай, безнең балаларыбыз кол түгел бит, без аларны сатмыйбыз* [Яруллин, 2000, 28].

– *О Господи, но почему же наши дети должны проходить через такие унижения?!* [Яруллин, 2000: 272].

В татарско-русских, русско-татарских словарях, действительно, как эквивалентные к восклицаниям типа я (*и, и-и*) *Ходай* (*Ходаем, Алла, Аллам*) зафиксированы междометия *о господи, бог ты мой* и т.д. [Татар-рус сүзлеге, 2007, 535].

Как показывают наши наблюдения, сохраняется тенденция использования слов *Боже, Господи* при переводе на русский язык, если восклицания имеют негативную семантику (сетования, негодования и так далее) и применения способа транскрибирования междометий с компонентом *Аллаһ, Ходай, Раббе* и т.д., если они имеют положительную семантику. Однако на наш взгляд, такой подход не всегда себя оправдывает, так, в последнем предложении даже русскому читателю не совсем понятен факт использования слова *Господи* вместо *Аллаһ* татарской женщиной пенсионного возраста. Возможно, уместным было бы использовать междометие *я Аллаһ* или опустить первый компонент и использовать междометие *Аллаһ*.

В произведениях Ф.Яруллина встречается интересное татарское междометие – *әстәгыфирулла* (*әстәгыфирулла*). Лексикографические источники определяют его как междометие с религиозной семантикой, выражающее удивление, недоумение, растерянность и в качестве эквивалентных слов предлагают составные междометия русского языка *бог с тобой; прости, господи* [Татар-рус сүзлеге, 2007, 177]. Нами зафиксирован случай перевода данного междометия посредством слова *боже мой*:

Әстәгыфирулла! Менә ишетмәсәң ишет. Васяны биш йөз сумга страховать итүем боларга аның әниләре салган биш мең сум булып ирешкән! [Яруллин, 2000: 92].

Боже мой! Вот это да! Те самые пятьсот рублей, на которые я застраховала Васю, молва превратила в пять тысяч! [Яруллин, 2000, 274].

Нам все-таки кажется, что более предпочтительным было бы использование в данном контексте междометия *прости, Господи*, так как иначе теряется семантика растерянности, недоумения и остается лишь семантика удивления.

Приведем пример, в котором междометие *әстәгыфирулла* опускается. Вообще, такой прием перевода как опущение используется, когда некоторые слова переводчиком оцениваются как семантически избыточные [Салахова, 2014, 196]. Например:

Балалар миңа да тимераяк алганнар. Аны күрүгә котым очты. “Әстәгыфирулла, кирәкми, кирәкми!” – дип күпме карышсам да, балалар мине күндерделәр [Яруллин, 2000, 174].

На месте выяснилось, что дети прихватили коньки и для меня. Сначала я перепугалась насмерть. Но сколько я ни сопротивлялась, дети все-таки уговорили меня, и я надела коньки [Яруллин, 2000, 345].

Действительно, включение в данный отрывок междометий *прости, Господи* или *Бог с вами*, нам кажется, было бы лишним.

Исследователями отмечено, что современный перевод отличается прагматичностью, усиливающейся тенденцией к выдвиганию на передний план адекватности при некотором

отходе эквивалентности на второй план. Эта тенденция особенно ярко прослеживается на примере перевода междометий. Так, в статье В.С. Джабраиловой обнаруживается, что междометия в современных текстах либо имеют нулевой перевод, либо их значение передается посредством перевода знаменательной части речи, либо отдается предпочтение контекстуальной адаптации междометия при переводе [Джабраилова, электронный ресурс]. Приведем такой пример на материале произведения Ф.Яруллина:

*Тәрбиячеләр аңа: “**Һэй**, махәббәтсез нәрсә, безне жәзалар өчен тугансыңдыр син”, – диләр* [Яруллин, 2000, 71].

Но даже если Вася плакал, воспитатели не спешили его успокоить, бросая в сердцах: “Народился же на нашу голову” [Яруллин, 2000, 256].

Хочется отметить, что междометия в татарском языке нередко служат для образования глаголов. Чаще всего они образуются по модели “междометие + итү”. Как отмечает Ф.А. Ганиев, они “выступают со значением произнести то междометие, которое выражено первым компонентом” [Татарская грамматика, 1995, 469]. На русский язык такие глаголы переводятся как глаголы, образованные по модели “междометие + -а”. Например:

*Мин “**аһ**” итәм* [Яруллин, 2000, 30].

Я ахаю [Яруллин, 2000, 221].

Нами также зафиксирован случай употребления писателем глагола, образованного по модели “парное междометие + килү”. Этот случай интересен и тем, что позволяет рассмотреть особенности перевода парного междометия *ах-ух*. Приведем данный пример:

Ах-ух киләләр. Бүген гел чиертмәде, дип уфтанган булалар [Яруллин, 1986, 29].

*Придут, бывало, без улова, **охают, ахают**, мол, не клевало совсем* [Яруллин, 1986, 220].

Как видим, сложный глагол, образованный от парного междометия переведен на русский язык при помощи двух глаголов, каждый из которых образован по модели “междометие + -а”.

В данном же предложении присутствует еще один глагол, образованный от междометия – *уфтанган*. Как мы видим, модель образования – “междометие + -тан”. Учеными подчеркивается, что это – единственный глагол в татарском языке, образованный по данной модели [Татарская грамматика, 1995, 461]. Значение его метафорично, в данном контексте он обозначает *жаловаться, сетовать* [Татар-рус сүзлеге, 2007, 488].

Стоит отметить, что междометия встречаются и в составе фразеологических единиц. В таком случае переводчик подбирает эквивалентный фразеологизм в русском языке, при отсутствии такового – может пользоваться частичными эквивалентами или использовать методы безэквивалентного перевода. Так, в данном случае налицо использование приема опущения:

– Резинкам шәп чиерттерде, ахры, абыем шундук гырылдаудан туктады, эһ иткәнче сикереп торып минем якага ябышты:

*– Нишлисең, **эт малае?** – ди* [Яруллин, 1986, 24].

Перепуганный артист вскочил, спрашивает:

*Ты почему **безобразничаешь?*** [Яруллин, 1978, 13].

А вот пример адекватного перевода, где подобран фразеологизм с таким же значением:

*Әгәр аның күзләреннән таралган очкыннардан янғын чыга торган булса, безнең сабыллар йорты «**эһ**» **дигәнче** янып бетәр иде* [Яруллин, 2000, 63].

*Если бы они могли извергать пламя, наш приют сгорел бы **в одно мгновение*** [Яруллин, 2000, 250].

Из этого следует, что выполненное нами наблюдение позволяет сделать выводы о том, что перевод междометий и обращений требует от переводчика тонкого и глубокого понимания смысла текста, идеи произведения, так как многозначность данных частей речи в противном случае может стать причиной неправильного их употребления. Большинство междометий, особенно императивных и особенно, образованных при помощи конверсии, имеют эквивалентный вариант в русском языке. Однако надо быть внимательным при

переводе таких междометий как *бәрәкәт, сөбханалла, Аллага шөкер* и т.д., так как полные эквиваленты таких слов в русском языке не наблюдаются. Также стоит быть внимательными при переводе устойчивых сочетаний, одним из компонентов которых является междометие. При отсутствии эквивалентного фразеологизма в переводимом языке, допускается использование безэквивалентных методов перевода. Например, нами были зафиксированы случаи применения методов опущения, замены. Перевод глаголов, образованных от междометий обычно не составляет труда: на русский язык они переводятся глаголами, образованными по модели “междометие + -а”, зафиксирован случай, когда глагол, образованный от парного междометия (*ах-ух килү*) переведен двумя глаголами (*ахать, охать*).

Таким образом, можно говорить о том, что перевод литературного произведения имеет ряд особенностей, предъявляя к переводчику требование не только знаний исходного и переводимого языка, но и культурных особенностей носителей обоих языков, творчество автора подлинного текста. Кроме того, художественный перевод подразумевает наличие переводческой компетенции и не исключает поисков решения тех особо сложных художественно-эстетических проблем, о которых неустанно говорят специалисты в области художественного перевода. Надо не просто знать два языка, но знать их “по-переводчески”, то есть в сочетании с правилами и условиями перехода единиц одного языка к единицам другого, от одной культуры к другой.

Перевод Е. Имбовиц можно охарактеризовать как довольно краткий, сравнительно вольный. Переводчик смогла донести до читателя основное содержание, идеи произведения, однако вследствие довольно частого использования метода опущения не всегда удается четко охарактеризовать героя, точно передать его психологическое состояние. Произведения Ф. Яруллина признаны классикой современной татарской литературы, поэтому переводчик должен довольно осторожно опускать лишние, как ему кажется, слова. Тем не менее, в большинстве случаев переводчику удастся достижение адекватности перевода за счет использования методов компенсации, лексико-семантической замены. Междометия в основном переведены методом эквивалента, но нами были выявлены определенные лексические единицы (*бәрәкәт, сөбханалла, Аллага шөкер* и т.д.), которые не имеют эквивалента в русском языке. Также, при переводе междометий относительно редко применяются методы опущения, замены.

По нашему мнению, многие другие произведения татарской литературы переведенные на русский язык тоже нуждаются в научных исследованиях на аспекте эмотивной лексики. И мы надеемся, что результаты и итоги нашей работы послужат фундаментом для дальнейших исследований в области художественного перевода.

Литература

- Джабраилова В.С. К вопросу о переводе междометий с английского языка на русский. – Режим доступа: <https://publikacia.net/archive/2016/5/5/11> дата обращения: 12.09.2019.
- Едиханов И.Ж. Лексико-стилистические особенности языка этико-дидактических и философских татарских текстов и их переводов на русский язык (на материале произведений К.Насыри, Ш.Марджани): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 02 / Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань., 2009. 26 с.
- Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. С-Пб.:Норинт, 2000. 1536 с.
- Салахова Р.Р. Особенности перевода татарских междометий на примере повести А. Еники «Медный колокольчик»// Филология и культура. Philology and culture. 2014. № 4(38). Казань: Изд-во К(П)ФУ, 2014. С. 195-199.
- Татарская грамматика. В трех томах. Т.1: Фонетика. Морфонология. Словообразование. Казань: Таткнигоиздат, 1995. 583 с.
- Татарская грамматика. – Т.II. Морфология. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 397 с.
- Татарская грамматика. – Т.III. Синтаксис. Казань: Татарское книжное издательство, 1992. 488 с.
- Татарча-русча сүзлек. Ике томда. Т.1. (А – Л). Казан: Мәгариф, 2007. 728с.
- Татарча-русча сүзлек. Ике томда. Т.2 (М – Я). Казан: Мәгариф, 2007. 726 с.
- Яруллин Ф.Г. Первая борозда / авторизованный перевод с тат. Е.Имбовиц. М.: Советская Россия, 1981. 144 с.

Яруллин Ф. Г. Жилкәннәр жилдә сынала: повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшрияты, 1986. 288 б.
Яруллин Ф. Яралы язмышлар = Былинки на ветру = The Ways of Fate. – Казан: “Рухият” нәшр.,
2000. 440 с.

Яруллин Ф.Г. Сайланма әсәрләр. Казан: Хәтер, 2002. 480 б.

Яруллин Ф.Г. Сайланма әсәрләр. Биш томда. 3 Т.: хикәяләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 495 б.

R. R. Salahova

*Kazan Federal University
Kremlevskaya st., 18, Kazan, 420008, Russia
E-mail: Ruzilya5@mail.ru*

FEATURES OF THE TRANSLATION OF NAMES OF PERSONS AND INTERJECTIONS FROM TATAR TO RUSSIAN (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF F. YARULLIN)

The article discusses the names of individuals and interjections of the Tatar language in terms of their translation into Russian. To study the translation features of the above lexical units into Russian, we selected the works of the famous Tatar writer Fanis Yarullin (Translation by E. Imbovits). The choice of topic is due to the fact that in the past few years, linguistics has begun to actively study the features of the transfer of emotions in written language. A study of the work of linguists showed that the most expressive means of transmitting emotions is the name of the person, especially when handling and interjection.

Keywords: interjection units, names of persons, emotive vocabulary, literary translation, Tatar language, Russian language.

References

- Dzhabrailova V.S. On the issue of translating interjections from English into Russian. - Access mode: file:///C:/Users/v5-552/Downloads/1dzhabrailova_v_s_k_voprosu_o_perevode_mezhdometiy_s_angliysk.pdf; дата обращения: 12.09.2019.
- Edikhanov I.Zh. Lexical and stylistic features of the language of ethical-didactic and philosophical Tatar texts and their translations into Russian (based on the works of K. Nasyri, Sh. Mardzhani): abstract of thesis. ... cand. filol. Sciences: 10. 02. 02 / Kazan State University named after IN AND. Ulyanov-Lenin. Kazan., 2009. 26 p.
- Kuznetsov S.A. Great explanatory dictionary. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.
- Salakhova R.R. Peculiarities of the translation of Tatar interjections by the example of A. Eniki's story "The Copper Bell" // Philology and Culture. Philology and culture. 2014. No. 4 (38). Kazan: Publishing House K (P) FU, 2014 . P. 195-199.
- Tatar grammar. In three volumes. T.1: Phonetics. Morphology. Word formation. Kazan: Tatknigoizdat, 1995.583 p.
- Tatar grammar. - T.II. Morphology. Kazan: Tatar Book Publishing, 1993. 397 p.
- Tatar grammar. - T.III. Syntax. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1992. 488 p.
- Tatar-Russian dictionary. V.1. (A - L). Kazan: Margarif, 2007.728 p.
- Tatar-Russian dictionary. V.2 (M - I). Kazan: Margarif, 2007.726 p.}
- Yarullin F.G. First furrow / authorized translation from Tat. E. Imbowitz. M .: Soviet Russia, 1981. 144 p.
- Yarullin F. G. Жилкәннәр жилдә sonala: the story. Kazan: Tatars. k.t. Nəshriyat, 1986. 288 p.
- Yarullin F. Blades in the wind = The Ways of Fate. - Kazan: “Ruhیات” nəshr., 2000. 440 p.
- Yarullin F.G. Selected works. Kazan: Khuter, 2002.480 p.
- Yarullin F.G. Selected works. 3 T.: Hikəyalər. Kazan, 2004. 495 p.